

M. Loose

КАТАРЫ В ЗАПАДНОМ МИРЕ

Этот ломбардский автор не может помочь, представляя картину общины, замкнутой в себе самой, страдающей от частых переворотов в своём центре на Востоке и подавленной местными условиями.

Чтобы рассмотреть историю катаров в Италии с другой точки зрения и понять её место в беспорядочном общественном развитии в городах северных и центральных областей Аппенинского полуострова, мы должны обратиться к свидетельствам других современников.

В 1173 году община использовала в своих интересах интердикт, наложенный на Флоренцию. В кратком сообщении *Анналов Флоренции* об этом событии впервые отмечено имя *Paterini*. Мы знаем, что примерно в это же время итальянец Гуго Этерианус использовал это слово в своём сочинении против византийских богомилов, написанном в Константинополе. Позднее термин употреблялся и в византийских источниках. На Западе в ходу были различные формы этого слова – *Paterini*, *Patrini*, *Patareni* и т.п. Нет оснований сомневаться, что имя было связано с названием *Патарии* в Милане; помимо созвучия *Cathari* – *Pathari* в Италии могло сыграть определённую роль и знакомство с особенностями обоих движений¹.

Флоренция была центром одной из двух катарских церквей в Тоскане, описанных в трактате *De heresi catharorum in Lombardia*². Вторая находилась в "римской Тоскане" – Райнерио Саккони называет её *ecclesia de Valle Spoletana*. Здесь, в области "наследия Святого Петра", в непосредственной близости от центра папской власти, глубоко укоренилось дуалистическое учение. В конце шестидесятых годов XII столетия, если не раньше, флорентиец Диотесальви проповедовал дуализм в Орвието, но там у него уже был предшественник, некий Германнин Пармский. После Диотесальви и его спутника Жерара были отмечены и другие проповедники, а направленное против них преследование оказалось бессильным³.

Рост антицерковного движения в Италии и повсюду был, несомненно, ещё усилен ударом, который раскол 1159 года нанёс папскому авторитету. Известно, что он стал следствием нового конфликта между империей и папством, вызванного претензиями Фридриха Барбароссы на власть над Италией.

В Ломбардии постоянно боровшимся между собой городским общинам пришлось вести тяжёлую битву за сохранение своей независимости перед лицом опасного расширения имперской власти. Милан был разрушен в 1162 году, а начал восстанавливаться из руин только в 1167, когда постепенно вернулись уцелевшие жители. Новый архиепископ Гальдинус восстановил церковную власть, но с самого начала ему пришлось столкнуться с катарами. Их община уже начала умножаться и процветала в столице Ломбардии. Связь между деятельностью катаров и предшествовавшим распадом политической и церковной власти достаточно очевидна; они воспользовались ситуацией и открыто проповедовали в городе. Неустанные призывы Гальдинуса, проповедовавшего против них буквально до последнего вздоха, были безответны⁴. Буонаккорсо, сам бывший одним из лидеров катарской общины в Милане, писал, что "города, пригороды, деревни и замки" были полны катаров⁵.

Тем временем по другую сторону Альп распространению "ереси" в известной степени способствовали трудности и потрясения долгой борьбы между владетельными домами Тулузы и Барселоны за господство над южными областями нынешней Франции. Семья графов Тулузских стремилась распространить свой сюзеренитет на обширных территориях к западу

¹ См. *Amann*, *Pataria*, DTC XI/2, 2243 - 2246; *Borst*, 250.

² О церкви катаров во Флоренции см. *Dondaine*, *Niyrarchie*, II, 299 ff.

³ Об Орвието см. *Fumi*, *Orvieto*, 52 - 81. Начало движения описано в *Vita S. Petri Parentii*, ASS Mali V, 86 f. О датировке см. *Maisonneuve*, 148.

⁴ *Vita S. Galdini*, ASS Aprilis II, 595BC.

⁵ *Bonaccursus*, PL 204, col. 778.

от Роны, где название "Provincia" ещё напоминало о днях Narbonnensis prima. Название "Лангедок" (Lingua Occitana) не употреблялось до конца XII столетия, когда весь регион был прочно включён в территорию Франции. Но в XII веке положение было иным. С заката эпохи Каролингов постепенное дробление феодальной власти привело к появлению в регионе множества крупных и мелких владений, правители которых присвоили, помимо наследственных земель и древних официальных титулов, королевские права и доходы. Наиболее многочисленные из этих южных владетелей, графы Тулузские, виконты Безье из семьи Транкавелей, графы де Фуа, Комминги, виконты Беарнские, собирали свои собственные маленькие дворы и не обращали внимания на интересы находившегося на севере, за Луарой, короля, чьё имя лишь упоминалось в их хартиях. Впрочем, правители южных владений действовали независимо и друг от друга, а их лённые дворяне были связаны с ними достаточно условно; города, особенно такие, как Тулуза или Нарбонн, также приобрели независимость, с которой приходилось считаться. На Юге феодальные отношения не достигли того уровня развития и не играли такой основополагающей роли в политике, как на Севере, в собственно Франции. Царившая на Юге анархия стала серьёзной помехой объединительным усилиям графов Тулузы.

Сильнейшим соперником правителей Тулузы был дом Транкавелей, признававший их сюзеренитет. Эти виконты Альби и Нима стремились стать хозяевами "нижних" областей Лангедока; постепенно они приобрели Каркассон, Разес, Агд и Безье. Впрочем, в конце XII столетия виконтства Агда и Нима находились в руках дома Тулузы, уже правившего и графством Сент-Жилля с одноименным важным городом на Роне⁶. Графы Тулузы стремились распространить свою власть и к востоку от Роны, на землях, достаточно условно соединённых с Западной империей. Уже в XI столетии они заявили о своих наследственных правах на графство Прованс, но их политика столкнулась с энергичной экспансией Каталонии. Как и графы Тулузы, графы Барселоны преследовали свои собственные интересы и уже в X веке обзавелись вассалами на другой стороне Пиренеев. Первое военное столкновение между ними произошло в начале XII столетия. Союз Каталонии и королевства Арагон (1137) создал мощную опору для новой агрессии против Тулузы в середине XII века, и конфликт начал приобретать европейские масштабы. Борьба между Тулузой и Барселоной проходила на фоне соперничества Капетов и Плантагенетов. Король Альфонс II (1162-1196) был близок к достижению цели – объединить под единой властью связанные общим языком и культурой области по обе стороны Пиренеев, от Эбро до Гаронны и даже до Альп на востоке. Виконты Безье и Нарбонна принесли ему присягу и даже графы де Фуа признали его своим сюзереном. За Пиренеями, помимо графства Фуа, Альфонс II распространил своё влияние на виконтство Беарн и получил графство Руссильон по наследству, так что устояло только графство Комминг. Впрочем, к востоку от Роны каталонско-арагонская власть уже не распространялась; территорию Прованса разделили между собой правители Барселоны и Тулузы, что и было подтверждено миром, заключённым в 1185 году⁷.

Затянувшиеся походы, которые окончились только в 1185 году, заняли большую часть правления владетеля Тулузы, графа Раймона V (1148-1194). Лангедок подвергся опустошению, вызванному бродившими по нему вооружёнными бандами "рутьеров", "брабансонов", "наварраев" и "басков", процветавших в XII веке на территории нынешней Франции⁸. Феодалы в южных провинциях не могли обойтись без этих наёмных войск, поскольку достаточно условный характер феодальной зависимости не позволял им опереться на военную поддержку своих вассалов. Католическая церковь также страдала от этого зла, казавшегося неразрешимой проблемой. Вооружённых бандитов притягивали сокровища храмов и монастырей, обычно беспомощных перед насилием. Разрушительные набеги сопровождались ци-

⁶ См. *A. Molinier*, Languedoc, в: Grande Encyclopédie XXI, 905 f.; *Vaissute - Molinier* III, 852 ff.; *P. Gachon*, Histoire de Languedoc, Paris 1921, 50 ff.

⁷ См. *Higounet*, Grand chapitre.

⁸ См. *Güraud*. Les routiers au douzième siècle, в: Bibliothèque de l'École des Chartes 3 (1841 - 1842) 125 - 147, *Griffe*. Aventure, 119 ff., 139 ff.

ничным святотатством и осквернением священной земли, и понятно, почему в глазах церковных властей разорения, причиняемые безбожными рутьерами, смешивались с действиями "еретиков". Конечно, постоянная и повсеместная угроза безопасности и общественному порядку препятствовала нормальной работе церковной администрации и этим опосредованно способствовала распространению "ереси". С тех пор, как католическая церковь начала более организованно бороться с "еретиками", в объявлявшихся постановлениях вместе с ними постоянно упоминаются рутьеры. Те, кто держал на службе шайки разбойников, наказывались так же, как "покровители еретиков". Конечно, дворянство играло далеко не пассивную роль; могущественные феодалы нередко сами были инициаторами нападений на монастыри и вдохновителями насилий по отношению к монахам и духовенству. Церковные богатства повсюду вызывали жгучую зависть у дворянства, и Лангедок не был исключением. Жалобы церковников на причинённые им обиды раздавались постоянно, но отлучения даже самых высокопоставленных обидчиков не могли помочь их горю. В Лангедоке среди низшей аристократии было много семей, чьё состояние иссякло, рассеявшись между многочисленными наследниками⁹. В городах и деревнях многие люди благородного происхождения вынуждены были жить в нищете и вступали в наёмные отряды, чтобы прокормиться. Неудивительно, что церковные богатства, постоянно увеличивавшиеся за счёт десятин и подношений, были большим искушением для тех дворян, от которых ускользнуло их собственное богатство. В Лангедоке Григорианская реформа с её требованием возратить церкви все земли и сборы столкнулась с ожесточённым сопротивлением именно этих дворян. Следует признать, что на плодородных равнинах Лангедока требование вернуть католической церкви причитавшиеся ей доходные сборы оказалось особенно непопулярным. Это помогло подготовить благодатную почву для проповеди катаров, учивших, что духовенству не следует отдавать десятину и прочие поборы¹⁰.

Были и другие, малозаметные на первый взгляд причины, благодаря которым проповедь катаров была услышана и воспринята. Римская провинция *Narbonnensis prima* всегда была теснее связана с Италией и глубже укоренена в римской культуре, чем другие области Галлии. Традиция городской жизни не была прервана даже столетиями насильственных переворотов, начиная от падения Римской империи и вплоть до нашествия мусульман в первой половине VIII века. Хотя и задержавшиеся в развитии, города сохранили свою жизненную силу даже позже, несмотря на длительный кризис, вызванный распадом империи Каролингов. Наконец, начиная с XI столетия, экономическая жизнь и здесь постепенно освободилась от тягостных оков феодальных обязанностей и местного изоляционизма. Древние римские дороги вновь оживила торговая суэта, создававшая рынки для растущего производства земледелия и ремёсел. Постоянный поток паломников поддерживал торговлю и помогал развитию сентябрьской ярмарки в Сент-Жилле, с которой поначалу не могла сравниться знаменитая ярмарка в Шампани. Стоящие на сухопутных и водных путях древние городские центры приобрели новое экономическое значение, их население увеличилось. Поначалу, конечно, эти города были полностью подчинены интересам Генуи и Пизы, которые благодаря своему безудержному экспансионизму на время стали хозяевами всего западного Средиземноморья. В конце XII столетия их положение изменилось к лучшему и приморские города Лангедока смогли самостоятельно развивать отношения с городами Прованса и Испании и сохранить значительную роль в торговле с Левантом¹¹.

Экономическое процветание сказалось и на образе жизни великих аристократических

⁹ *Guiraud*, *Inquisition I*, 527 f.

¹⁰ *Griffe*, в: *Cathares en Languedoc*, 252 ff., id. *Aventure*, 189 ff. монах Генри в своей проповеди убеждал людей отказывать духовенству в *oblationes, primitias, decimas*. *Ex gestis pontificum Cenomanensium*, в: *Bouquet*, *Recueil XII*, 554.

¹¹ См. *A. Dupont*, *Les cités de la Narbonnaise Première depuis les invasions germaniques jusqu'à l'apparition du consulat*, Nomes, 1942, id., *Les relations commerciales entre les cités maritimes de Languedoc et les cités méditerranéennes d'Espagne et d'Italie du Xème au XIIIème siècle*, Nomes 1942; *C.-M. Higounet*, *Le milieu social et économique languedocien vers 1200*, в: *Cahiers de Franjeaux*, fasc. 2, 20 f.

фамилий. В этот период правящие круги в Лангедоке, как и в Пуату, Гаскони и Провансе, объединённые языком и культурой, не ощущали общности с грубым севером Франции. Их родство, политические интересы и культура были связаны с христианскими владетельными домами по ту сторону Пиренеев, пытавшимися подражать утончённой роскоши и изяществу арабских дворов. Культурный климат по обе стороны Пиренеев был одинаковым, тем более, что Каталония в большей степени, чем сейчас, принадлежала к той же языковой области. При дворах южной аристократии процветала поэзия трубадуров, своим изумительным богатством открывшая Западному миру ранее неведомую сферу культа чувств... Аквитанские области южной Франции и Каталония за Пиренеями стали родиной лирической поэзии; в этих областях не возникло, впрочем, ничего сравнимого с *chansons de geste*, героическим эпосом северной Франции. Южное общество, отличавшееся от французского Севера по языку и культуре, было значительно терпимей и в вопросах религии. Евреи образовали в городах многочисленные колонии; их не преследовали, и учёные раввины могли заниматься своими исследованиями.

В этой атмосфере катарские проповедники встретили более радушный приём, чем где бы то ни было, а предпринимавшиеся против них меры никогда не проводились с той фанатичной жестокостью, которой были отмечены гонения на территории между Рейном и Луарой.

В северных регионах с их прочной германской традицией дата, когда мирская власть впервые была употреблена для наказания "еретиков", может быть установлена с точностью (как мы уже видели). В 1022 году тринадцать человек, которых церковный собор признал "еретиками", были заживо сожжены в Орлеане¹². Эта новость потрясла всех, тем более, что многие осуждённые занимали высокие посты в католической иерархии. Такой способ наказания за ошибочные вероучительные взгляды не имел прецедентов на памяти свидетелей. Это был первый случай в Западной Европе после конца античности. На Западе развитие было более прерывистым, чем в Византии. Там, как мы видели, подавление "ереси" было общей заботой государства и церкви, и в теории их сферы ответственности были ясно разделены, даже если на практике эта разделительная линия не всегда оставалась на прежнем месте¹³. На Западе преемственность Римского государства была нарушена, и прошли долгие столетия, прежде чем римское право стало предметом тщательного изучения и в той или иной степени начало оказывать влияние на жизнь общества.

Конечно, ни знание римского права, ни древние церковные предания не были полностью утрачены на Западе даже в Тёмные века. В конце римской эпохи Августин предложил логичное оправдание для привлечения мирской власти к наказанию "еретиков", когда церковно-дисциплинарные меры оказывались бесполезными. Целью для него, тем не менее, оставалось обращение "еретиков" и их возвращение к церкви. С этой точки зрения, даже самые суровые меры мирского правосудия должны были прикрываться маской милосердия, и речь не шла о смертной казни. После Августина сама идея, что мирская власть должна бороться с ересью, сохранялась в сочинениях отцов церкви, канонах Вселенских соборов и других текстах, составлявших официальную каноническую традицию. В дополнение к этому материалу собрания канонического права также включали в себя некоторые положения имперского законодательства, устанавливавшие, в отличие от собственно канонического права, смертную казнь для "нераскаянных еретиков". Эти поздние римские компиляции были известны уже в раннем Средневековье, но долгое время просто не представлялось случая для их применения на практике. Случайные отклонения успешно пресекались церковно-дисциплинарными мерами, и не было нужды звать на помощь мирскую власть¹⁴.

Тем более необычным было сожжение орлеанских "еретиков" заживо в 1022 году. Приговор не опирался на какой-либо действующий закон, но был продиктован необходимо-

¹² См. Главу IX, стр. .

¹³ См. Главу II, стр. ; Главу III, стр. ; Главу VIII, стр. .

¹⁴ См. *Maisonneuve*, 56 ff.

стью воспрепятствовать "еретическому" учению, грозившему потрясти общественный порядок. Ближайшую параллель смертной казни через сожжение можно найти в традиционном германском праве, где она применялась, как наказание для колдунов и отравителей¹⁵. Народное восприятие ввело "ересь" в круг подобных преступлений. С начала XI века живучесть "еретического" учения предоставляла властям возможность всё чаще и чаще прибегать к этой жестокой казни, которая постепенно стала восприниматься на Западе как обычное, если не единственное наказание для людей, обвинённых в еретических верованиях. Время от времени даже среди самих сановников католической церкви раздавались голоса протеста. Более просвещённые из их числа считали, что меч мирской власти не должен отнимать жизнь у заблудших душ, которые следует возвращать к церкви терпеливым увещанием¹⁶. Зачастую епископы не знали, что делать с пойманными еретиками. Временами, однако, правосудие брала в свои руки толпа. Жившее под постоянной угрозой стихийных бедствий, эпидемий и войн, простонародье инстинктивно обращалось против тех, чей отказ от "правой веры" мог вызвать "божий гнев" на всё население. В XII столетии, когда "еретическое" движение ещё только собиралось с силами, церковные власти не одобряли самосуда. После того, как в Кёльне около 1143 года толпа сожгла нескольких катаров, провост Эвервин Штейнфельдский отметил, что это произошло "помимо нашей воли" (*nobis invitis*). Впрочем, оказавшись лицом к лицу с растущей угрозой катаров, духовенство, по крайней мере в Германии и северной Франции, предпочло жестокость. Решения Реймского собора 1157 года строго придерживались германского правового подхода, включая обвинительную форму судопроизводства, *ordalia* и костёр как наказание. С другой стороны, образованные церковные круги продолжали руководствоваться точкой зрения Августина; комментаторы декрета Грациана не забывали подчеркнуть, что целью сожжения людей заживо была не месть, а милосердная попытка спасти заблудшие души. Роланд Бандинелли применял этот принцип и позже, когда под именем Александра III стал главой римской церкви. В 1162 году он придал огромное значение апелляции группы "попеликан" из Фландрии. Он не только приказал архиепископу Реймскому тщательно расследовать дело, но и потребовал предоставить себе все документы, чтобы изучить их самому. Мы не знаем, чем всё это кончилось для "попеликан", которые, как представляется, были людьми высокого общественного положения. Ясно, однако, что попытки папы добиться чтобы расследование соответствовало каноническому праву уже не могли изменить предопределённого Реймским собором хода событий в северной Франции. Принимая практику сожжения "еретиков" заживо, духовенство во Франции и в соседних германских землях шло навстречу пожеланиям мирской власти и чувствам простых людей. Решениями Реймского собора за ересь была предписана смертная казнь через сожжение. Через несколько лет Экберт Шёнауусский особенно одобрял *крещение огнём*, "преподанное" катарам в Бонне и Кёльне. В 1172 году Генри, архиепископ Реймский и брат французского короля Людовика VII, сжёг заживо обвинённого в ереси клирика. Через одиннадцать лет, при его преемнике архиепископе Жильёме большая группа людей, простых и благородных, включая множество женщин, была обвинена в ереси в графстве Фландрском. Судебное дело против них было возбуждено совместно архиепископом и графом Фландрским, им же досталось конфискованное имущество казнённых, и это был не единственный случай. Костры полыхали по всей Фландрии и в других местностях под юрисдикцией Реймской кафедры. Голоса протеста даже в конце XII века ещё раздавались из Парижского университета, но учёные богословы уже не могли ничего изменить. Бесчеловечность глубоко укоренилась в самой Франции, но прежде, чем она была принята в южных провинциях, потребовался огромный переворот¹⁷.

¹⁵ См. *Ficker*, *Todesstrafe*, 181 f.; *Havet* I, 501 f.

¹⁶ См. ответ, посланный Вазо, епископом Льежским, Роже II, епископу Шалонскому, *Anselmi Qesta episc. Leod.*, *MGH SS VII*, 227 (ср. выше, Главу IX, прим. 9). Взгляды этого известного сторонника церковной реформы на Западе поразительно созвучны взглядам Феодора Студита (см. выше, Глава II, стр.), чьи усилия сделать церковь независимой от мирской власти были близки целям церковной реформы на Западе в XI веке.

¹⁷ См. *Maisonneuve*, 99 f. О событиях в северной Франции см. *Frkdricq I*, №46, 48 - 55.

Единственным достоверно задокументированным случаем на Юге оставалось сожжение Петра де Брюи, произошедшее при исключительных обстоятельствах¹⁸. Катарским проповедникам в Лангедоке не грозила ни тюрьма, ни самосуд толпы. В Ломбере в 1165 году состоялся собравший толпы слушателей публичный диспут, на котором катары спорили с католическими епископами¹⁹, открыто называя их "волками" и "наёмниками". Двумя годами позже катары созвали собор в Сент-Феликсе де Карамане, а сеть их общин постепенно распространялась по южным провинциям. Ещё через десять лет, в 1177 году, сам граф Тулузский сообщил генеральному капитулу Ситó, что католическая церковь в Лангедоке находится в критическом положении. Граф достоверно описал новую ересь; "еретики" не верили, что человек соворён Богом, не верили в воскресение тел и – что хуже всего – "вводили два начала"²⁰. Даже в Лангедоке уже не было сомнений, что новая "ересь" была фундаментально дуалистической, хотя во время диспутов в Ломбере (1165) и в Тулузе (1178) катары ещё не раскрывали подлинную природу своей веры²¹.

Не рассчитывая на поддержку своих – затронутых "заразой неверия" – вассалов, граф Раймон V в этом письме призывал французского короля к военному походу против южных еретиков. Сама идея священной войны против еретиков в то время была не чужда римско-католической церкви. Обоснования этой идеи могли быть найдены в декрете сформулированного около 1140 года основы канонического права монаха Грациана из Болоньи и его комментаторов. Как мы уже видели, канонисты из Болоньи были преданы идеям Августина, но допускали возможность вооружённого вмешательства в случаях открытого сопротивления или в большой опасности. Декрет Грациана опирался на набор святоотеческих цитат, рассмотренных в контексте и священной войны против еретиков, и применения к еретикам смертной казни.

Сам Бернард Клервосский не оставляет сомнений, что церковь, чтобы защитить себя, неизбежно должна обращаться к мирскому мечу²².

Горькая ирония заключается в том, что призыв к крестовому походу против Юга впервые прозвучал из уст правителя Тулузы. В 1178 году в Тулузское графство была направлена особая миссия; её значимость подчёркивалась вооружённым эскортом, предоставленным Раймоном V и его вассалами. Возглавлял миссию папский легат, кардинал Пётр; его сопровождали цистерцианский аббат Клерво и другие церковные сановники. Серьёзное испытание им пришлось перенести в Тулузе, когда католические прелаты были вынуждены дискутировать с двумя лидерами катаров на местном диалекте, поскольку те не знали латыни. Не позднее, чем через три года (1181) против Юга был организован и настоящий крестовый поход, но он оказался незначительным и безрезультатным. Впрочем, он стал убедительным примером для будущего, поскольку военную экспедицию против замка Лавор возглавлял папский легат.

Тем временем III Латеранский собор в 1179 году поставил идею крестового похода

¹⁸ Havet II, 572, 578, прим. 2.

¹⁹ Mansi XXII, col. 157 - 168; Hefele - Leclercq V 2, 1006 - 1010.

²⁰ См. *Thouzellier*, Languedoc, 19 f.

²¹ *Ibid.*, 21f. В свидетельствах о ранней истории катаров в Западной Европе они часто называются "арианами". Это не было новостью на Западе; попытки привязать современные "еретические" верования к арианству отмечены уже в середине XI столетия. См. *R. Manselli*, Una designazione dell'eresia catara: "Arriana Heresis", в: *Bull. lit. stor. ital. per il med. evo et Archivio Muratoriano* 68 (1956) 237. Этот термин появляется уже в связи с учением монаха Генри. Поначалу было проще всего отождествить новые формы "ереси" с арианством, как с ересью по преимуществу. Значение термина "ариане" в антиеретической полемике XII века верно описано в *Y. Congar*, "Arriana haeresis" comme désignation du néomanichéisme au XIIe siècle, в: *Rev. des sciences philos. et théol.* XLIII (1959) 449 - 461. Катаров отождествляли не только с арианами, но и с другими ранними еретиками; см. *Sigeberti Continuatio Aquicinctina ad an. 1183*, MGH SS VI, 421, цитируется *Manselli*, art. cit., 241: "...quidam dicunt *Manichaeos*, alii *Catafrigas* (то есть монтанистами), nonnulli vero *Arrianos*, Alexander autea papa vocat eos *Paterinos*" (курсив мой – М.Л.). Манселли показывает, как на рубеже XII и XIII веков термины "манихеи" и "альбигойцы" стали применяться к катарам чаще, тогда как термин "ариане" был забыт.

²² См. *Maisonneuve*, 58 - 91; ссылка на Бернарда Клервосского стр.105f.

против "еретиков" на прочное основание закона, закрепив его статус наравне со священной войной против "неверных". Относящаяся к этому статья не проводит различий между "ересями", но особенно указывает именно на "еретиков" Лангедока, названных катарами, патеринами и публиканами²³.

Установленные этим собором наказания не относились к Петру Вальдо, лионскому купцу, избравшему апостольскую нищету и странствовавшему с горсткой учеников, неустанно проповедуя. Примечательно, что, как и Франциск Ассизский позднее, Вальдо происходил из богатой купеческой семьи. Движение вальденсов стало одним из признаков религиозного пробуждения, обусловленного растущей ролью мирян и быстрым развитием городских свобод. Его движущей силой было желание свидетельствовать о христианской жизни, и этой миссии те, кто чувствовал к ней призвание, посвящали себя целиком. Они жили как странствующие проповедники, в апостольской нищете, полностью освободившись от мирских забот. Вальдо не хотел реформировать католическую церковь, чтобы восстановить изначальные формы христианства; он не нападал на церковную иерархию, как монах Генри или Арнольд Брешианский. Ему было нужно только разрешение проповедовать, чтобы восполнить людям недостаток духовного наставления. Вальденсы хотели трудиться в полной гармонии с католической иерархией, которая, по их мнению, учила истинной вере и предлагала для спасения истинные таинства. Они отказывались подчиняться только тем католическим установлениям, которые прямо противоречили Писанию, поскольку лучше слушаться Бога, чем людей. Здесь-то и произошёл раскол между вальденсами и католиками. На III Латеранском соборе папа Александр III благосклонно принял у Вальдо обет апостольской нищеты, но запретил ему и его ученикам проповедовать независимо от иерархии. Отказ подчиниться этому запрету автоматически противопоставил вальденсов церкви, и уже в 1182 году Пётр и его группа были отлучены архиепископом Лиона. Впрочем, даже после этого настоящие последователи Вальдо не отдалялись от католической доктрины и упорно противостояли учению катаров. Очевидно, именно против него направлены некоторые статьи исповедания веры, представленного Петром Вальдо вскоре после Латеранского собора. Несмотря на это, "лионские нищие" были извергнуты из церкви и разделили судьбу с катарами. Вынужденные покинуть Лион, они переселились в южные провинции, среди которых Лангедок казался самым безопасным прибежищем²⁴. Вальденсы укрепились в Лангедоке, но не могли конкурировать с катарами, появившимися там намного раньше. Они держались обособленно, а некоторые проповедники вальденсов, такие, как Дюран де Хуэска из Арагона, даже пытались вступать с катарами в полемику. Написанная Дюраном в начале девяностых годов XII века *Liber antihæresis* является ценным свидетельством²⁵. Эта книга отмечает, что катары Лангедока уже следовали радикальному дуалистическому учению, опиравшемуся на симметричное противопоставление двух начал. Достоверностью своей информации об общине катаров и её учении этот автор-вальденс явно превосходит своего учёного современника, парижского теолога Алена де Лилля.

Вальденсы встретились с катарами и на итальянской стороне Альп. Некоторые из лионских изгнанников дошли даже до Ломбардии и укрепили ряды последователей, приобре-

²³ Тулуза 1178 – источники: письмо Генри, аббата Клерво (*Audite, coeli...*, PL 204, col.235 - 240); письмо папского легата, Петра из Павии, кардинала Св.Хрисогона (PL 199, col.1119 - 1124). *Griffe, Aventure*, 90 - 111, даёт исчерпывающий анализ. Лавор 1181 – см. *Griffe, Aventure*, 126 ff. 27 канон III Латеранского собора (*Mansi XXII*, col. 232; *Hefele - Leclercq V 2*, 1106 f.; ср. *Thouzellier, Languedoc*, 23 f.) был направлен как против рутьеров, так и против "еретиков". *Griffe, Aventure*, 115 ff., считает, что призыв к применению мирской власти относился только к разбойникам, а не к еретикам.

²⁴ О зарождении вальденсов см. *A.Dondaine, Aux origines du Valdisme. Une profession de foi de Valdes*, в: *AFP 16* (1946) 191 - 235; *Thouzellier, Languedoc*, 24 f.; *Selge, Die ersten Waldenser I*.

²⁵ *Liber Antihæresis*; *Christine Thouzellier, Controverses vaudoises - cathares a la fin du XIIe siècle*, в: *Archives d'Hist. doctrin. et litt. du moyen-âge XXVII* (1950) 137 - 227 (даёт текст Книги II Дюрана согласно Мадридской MS 1114 с параллельными отрывками из второй версии его *Liber Antihæresis*, MS Paris, Bibl. Nat. lat. 13446); ср. *Thouzellier, Languedoc*, 60f. *Summa* Алена де Лилля (*Alanus de Insulis*): *ibid.*, 81ff. Полный текст *Liber* был издан *Selge, Die ersten Waldenser II*.

тённых Вальдо ещё во время его ранней поездки в Рим. Ломбардская ветвь вальденсов контактировала с местными сектантскими группировками – братством *Humiliati* и арнальдистами, продолжавшими традицию Арнольда Брешианского²⁶.

Неуклонный рост антицерковного движения заставил светскую и духовную власть действовать сообща. Император Фридрих I Барбаросса и папа Люций III, встретившись в 1184 году в Вероне, договорились о совместных действиях против еретиков. Папский декрет *Ad abolendam* перечисляет названия сект и одновременно даёт определение ереси. Он проводит различие между теми, кто присваивает себе право проповедовать без разрешения, и теми, чьё учение о таинствах противоречит церковной традиции. Если к первой категории могут быть отнесены вальденсы и подобные им группы, то вторая ясно указывает на катаров. Инициатива исходила от папы, а согласие Фридриха Барбароссы определялось политическими обстоятельствами и его отношениями с папой. Действуя как защитник веры, император наложил на еретиков имперский *бан* (*bannum*) со всеми его последствиями: изгнанием, конфискацией имущества, разрушением домов, запретом занимать официальные должности. Нет и намёка, что эти меры, опиравшиеся на концепцию "государственной измены" в римском праве, или меры, провозглашённые папской буллой, внесли хоть какие-то изменения в ранее принятую практику. Законное судопроизводство против еретиков совершалось в рамках каролингского *Sendgericht*. Появилась, впрочем, новая особенность – для расследования о еретиках были предназначены особые сессии, отличные от общего *Sendgericht*. Эта мера отвечала сильно возросшему количеству случаев ереси. Через тридцать лет IV Латеранский собор повторил те же самые решения²⁷.

Показательно, что даже во время встречи папы и императора у катаров было собрание в самой Вероне. Ещё до конца XII столетия община активизировалась во многих итальянских городах и число её приверженцев неуклонно возрастало. В Прато эдикт императора Генриха VI предписывал наказывать еретиков тюремным заключением, конфискацией имущества и разрушением их домов, и множество пострадавших нашли убежище во Флоренции. В Ферраре и Модене городские власти начали преследование по собственной инициативе²⁸. Катары, однако, сумели обратить в свою пользу растущую напряжённость между духовенством и городскими общинами. В северной Италии муниципалитеты постепенно сосредоточили в своих руках исполнительную власть, ранее принадлежавшую по большей части епископам. Теперь они начали отнимать и принадлежавшие епископам феодальные права и привилегии. Это не могло не привести церковников к острому конфликту со светской властью. Епископы вновь и вновь объявляли интердикты и отлучения, а муниципалитеты в ответ изгоняли епископов и запрещали горожанам поддерживать отношения с духовенством²⁹.

В итальянских городах "ересь" шла рука об руку с общим антицерковным движением, и зачастую провести между ними чёткую грань было непросто. Так обстояли дела в северной и центральной Италии, но уже во второй половине XII века мы находим упоминания о катарах на юге полуострова. Из позднего *Tractatus de hereticis* мы узнаём, что катарский епископ служил в Неаполе, когда в Ломбардии община ещё только начинала набирать сторонников – неопита, позднее ставшего епископом Марком, и двух его товарищей³⁰. Впрочем, это упоминание слишком кратко, чтобы на его основе можно было прийти к определённым выводам, и не подтверждено другими свидетельствами. С другой стороны, нам известно о множестве последователей катаров в Калабрии ещё до конца XII столетия. Южноитальянский мистик Иоахим де Фиоре встретился с ними, когда начал свою проповедь. В своём комментарии на Апокалипсис, составленном около 1200 года, он говорит о странной общине, разделённой на *верных* и *совершенных* и известной как *patareni*. Его очень содержательное свидетельство

²⁶ См. ниже, Глава XIV.

²⁷ Верона 1184: *Furg.* 22ff.; *Maisonneuve*, 151f.; *Thouzellier*, Languedoc, 45ff. О эдикте IV Латеранского собора (*Mansi* XXII, 986 - 990) см. *Furg.* 32 ff.

²⁸ *Schmidt I.* 63f.

²⁹ См. *L. Salvatorelli. L'Italia comunale*, Milan 1940, 436f.

³⁰ *Tract. her.*, 308f.

проливает свет на самую проповедь катаров, благодаря которой они приобретали всё новых и новых последователей. Важную роль в их прозелитизме играла помощь беднякам. Также автор упоминает о том, что катары поддерживали отношения с сарацинами. Иоахим де Фиоре прекрасно осознавал, какую угрозу представляют собой катары, распространившиеся "по разным частям мира"³¹.

В конце столетия, в 1196 году, император Генрих VI вновь призвал к совместным действиям имперскую и папскую власть, духовный и мирской меч; внезапная смерть положила конец всем его смелым планам³². Решающая роль в битве с ересью досталась новому папе, Иннокентию III (1198 – 1216), при котором теократические претензии папства достигли своего апогея.

Папская теократия усилилась, применив к себе ещё римскую концепцию государства; выпущенная ещё Иннокентием III в 1199 году булла *Vergentis in senium*³³ расценивает "ересь" как государственную измену, вполне в духе римских императоров периода упадка. В новом папском декрете наказания были ужесточены. Конфискация имущества "еретиков" и их покровителей распространилась и на наследников, даже если они были добрыми католиками.

Иннокентий III приобрёл знания о законодательстве Римской империи во время своей учёбы в Болонье. Уважение к традиции римского права было привито ему преподавателем канонического права Гугуччио Пизанским. В духе христианского милосердия, присутствующего канонической традиции, Иннокентий III смягчил суровость правосудия; возвратившимся к католической церкви, согласно булле *Vergentis in senium*, была дана возможность восстановиться в своих гражданских правах; могло быть возвращено даже конфискованное имущество.

Применение этого папского декрета, изначально направленного только против Витербо, в следующем, 1200 году было распространено, хотя и в смягчённой форме, на Лангедок и даже далёкую Боснию³⁴, поскольку достигавшие Рима известия сообщали о распространении дуалистических учений.

³¹ Об Иоахиме де Фиоре см. *Thouzelier*, Languedoc, 110f.; о Иоахиме и катрах см. *ibid.*, 114 f. (с цитатами из его сочинения *In Arosalipsim*). Упоминание в *Tract*, her. 309,12-14, о дьяконе-катаре Иллари, касается Калабрии. Ср. *Borst*, 239, прим. 40. Дургй-Theseider считает, что Ансельм Александрийский говорил о событиях своего времени, как если бы это относилось к ранней истории катаров в Италии. Он считает возможным, что упомянутый калабрийский дьякон был *diaconus maior*, отмеченный на Сицилии в XIV веке. См. *E. Duprÿ-Theseider*, *Le catharisme languedocien et l'Italie*, в: *Cathares en Languedoc*, 304, 314, прим. 12 (ср. ниже, Глава XVIII, прим. 59). Гипотеза автора безосновательна, но он верно отмечает, что у нас вообще нет свидетельств о существовании отдельной катарской церкви в Калабрии и на Сицилии. Упоминания источников о Сицилии Дургй-Theseider связывает не с самим островом, а с "Сицилийским королевством" в целом (304). В 1264 году катарский епископ действительно находился в Неаполе; он прибыл из Лангедока и долгое время жил в Пьяченце. *Ibid.*, 311 t.

³² *Thouzelier*, Languedoc, 138.

³³ *Maisonneuve*, 156f.; *Thouzelier*, Languedoc, 145 f.

³⁴ *Ibid.*, 155f., 158 f.